

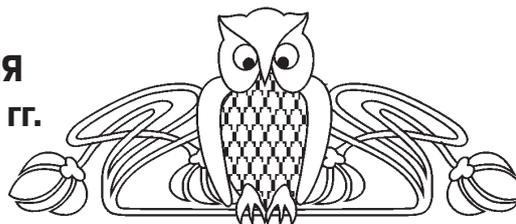
- ²⁵ Потресов А. К итогам «объединительного» съезда // День. 1917. № 147 (16106). 27 августа.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Цит. по: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 436.
- ³¹ Иванович Ст. Привет армии // День. 1917. № 143 (16104). 23 августа.
- ³² Потресов А. Через дисциплину! // День. 1917. № 142 (16103). 22 августа.
- ³³ Там же. № 149 (16108). 29 августа.
- ³⁴ Потресов А. Урок событий // Там же. № 150 (16109). 30 августа.
- ³⁵ Кливанский С. Корниловское восстание и армия // Там же.
- ³⁶ Заславский Д. Корнилов // Там же. № 151 (16110). 31 августа.

УДК 94(47).084

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ВОСПРИЯТИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1917–1920-х гг.

Н. В. Шалаева

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: nadejda-hist@yandex.ru

Советская власть в революционный период активно развивала праздничную культуру, направленную на формирование в сознании общества «правильного» представления о власти. Но праздничная репрезентативность по своему внешнему выражению и форме была обращена к пролетариату. Вне праздничной культуры осталось городское население не только столиц, но и провинциальных городов, а также крестьянство, ментальности которого не соответствовали пролетарские праздники. Их восприятие праздника было далеко от того желаемого результата, который стремилась получить советская власть.

Ключевые слова: власть, культура, репрезентативность, праздники, пролетариат, крестьянство.

The Formation of the Soviet Festive Culture and Peculiarities of its Perception in the Public Mind in 1917 – 1920th

N. V. Shalaeva

Soviet power was actively developing the festive culture in the revolutionary period which was aimed at the formation in the social consciousness the power's conception. But the festive representation was addressed to the proletariat owing to its external expression and form. The urban population of the capitals and other provincial cities, peasantry whose mentality didn't correspond to the proletarian holidays stayed out of the festive culture. Their holiday's perception was far from the desired result which the soviet power strived to achieve.

Key words: power, culture, representativeness, holidays, proletariat, peasantry.

Особую роль в формировании образов и сценариев власти играли праздники, которые, по точному выражению Ш. Плаггенборга, «можно назвать высшей формой репрезентации, т.к. при их проведении соединяются в одно целое, в ансамбль разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировки»¹. Праздники, возникшие как государственный политический заказ, стали механизмом активного вовлечения в уличное действие населения, даже если это

была пассивная форма участия – прохождение в рядах демонстрантов или стороннее наблюдение за шествием колонн манифестантов. По мнению А. Богданова, в праздниках через самовыражение рабочих шел процесс формирования советского коллективного самосознания². А. Луначарский писал в 1920 г., что массовые праздники дают возможность демонстрировать народу собственную душу³.

Как отмечал М. Рольф, «место праздника в обществе обусловлено его многообразными функциями в социальной структуре человеческого общежития»⁴. Власть посредством массовых праздников стремилась реализовать несколько задач как общеполитического, идеологического, так и конкретно-исторического характера. Праздники стали одним из механизмов социокультурной коммуникации, направленной на формирование советской идентичности, событийной сопричастности, «коллективной культурной памяти»⁵, а также явились основой легитимации власти.

Исторически у большевиков не было опыта проведения массовых действий, за исключением демонстраций и манифестаций, которые советская власть берет в основу формирования собственных праздников, соединявших в себе и государственный и партийный характер. Восстанавливая социокультурную и историческую преемственность, советское правительство уже в первый год своего существования обратилось к пролетарским праздникам – 1 Мая и Международному женскому дню, создавая новые (день падения самодержавия, день памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург и др.), возводя их в ранг общегосударственных. Идея отметить 1 Мая в 1918 г. как общегосударственный праздник была сформулирована А. В. Луначарским: «...Но разве не упоительна самая идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим

врагом, теперь – наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник?..»⁶.

Торжественность и масштабность первых пролетарских праздников – 1 Мая и Октябрьской революции – должны были рассказать их участникам и зрителям о новой власти и рождении пролетарской культуры. Активное использование символики и атрибуты советской власти, массовые шествия, плакаты и агитационные конструкции, временные памятные сооружения и декорации должны были вызвать чувство соучастия и единения власти и народа. Празднованию Первомая в Петрограде А. В. Луначарский посвятил несколько статей, отмечая величественность, красочность и зрелищность мероприятий⁷. «Все слова, какие только нахожу я для характеристики этого праздника..., этого горького и величавого торжества великого пролетарского авангарда в тяжелый для него момент, – все они находят самый горячий прием у ... публики...»⁸. Но за стремлением ярко и красочно, торжественно и величественно продемонстрировать силу власти, единство пролетариев, солдат и крестьян все равно не удалось скрыть трудностей проведения праздника, отсутствие денежных средств и продовольственный голод, о чем впоследствии писали газеты в конце 1920-х гг.⁹

Первый же советский праздник не дал большевикам необходимого эффекта. Первомай, проведенный в сложный для советской власти период, не смог стать тем символом единения, к которому стремились большевики. Ведь для укрепления в сознании человека праздника как «своего», где отражается новая история, а власть воспринимается как единственно верная, воплощающая интересы рабочих и крестьян должно было пройти некоторое время. Но полученный опыт позволил формировать один из механизмов собственной репрезентативности и влияния на массовое сознание общества.

Тема праздника должна была укрепиться в формирующейся советской культуре, поэтому опыт 1 Мая был перенесен на празднование первой годовщины советской власти, ставшей точкой отсчета рабоче-крестьянской праздничной культуры и календаря. Подготовка к первой годовщины Октября велась уже более тщательно и ознаменовалась целой серией мероприятий, связанных с празднованием этой даты. Все последующие празднования Первомая и очередных годовщин Октября были связаны с отработкой тех сценариев, которые были предложены властью в первый год своего существования. Так, например, в 1919 г. и в последующие годы стали выпускаться сборники сценариев празднования дня солидарности всех трудящихся¹⁰ и Октябрьской революции¹¹, которые создавались комиссиями по празднованию и губернскими или местными комитетами РКП (б). Сборники содержали информацию о праздниках и их истории, рекомендации по прочтению специальной литературы, песни,

посвященные Первомаю и Октябрю, лозунги и призывы и т. д. В инструкциях ЦК РКП (б) указывалось, как надо проводить праздники, как украсить город, как организовать шествие, какие лозунги и темы необходимо поднять на митингах и т. д. Для подготовки и проведения праздников создавались специальные комиссии на местах, к которым «прикреплялись» с целью помощи товарищи из губернских советов.

В 1920-е гг. к активному участию в праздниках стала привлекаться молодежь и дети, на работу с которыми делался особый акцент. Сознание и психология старшего поколения, сформированные многовековой традицией, во многом были связаны с предреволюционной историей и религиозными праздниками, что приводило к трудному укоренению в его сознании нового праздничного календаря. Психология же молодого человека с его стремлением к переменам, к крушению кумиров соответствовала в большей степени социокультурным установкам власти. Сознание молодежи было той почвой, на которой должен был взойти росток советской психологии, сформироваться понятие «советский человек». Не случайно тема молодежи и ее воспитания в разных аспектах звучит у всех руководителей РКП-ВКП (б) в 1920-е гг. В «Директивах ЦК коммунистам – работникам Наркомпроса», в статье «О работе Наркомпроса», в речи на II Всероссийском съезде политпросвета, в статьях «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» В. Ленин напрямую связывает задачи воспитания с уровнем и степенью развития культуры. Пролетарские праздники становились одной из форм воспитания молодежи.

В период НЭПа начался процесс децентрализации праздника, отказ от единого руководящего начала был связан, по мнению М. Рольфа, с экономической ситуацией в стране и необходимостью режима экономии¹².

Эти обстоятельства привели к тому, что материальная часть организации праздника была передана местным партийным ячейкам. Отсутствие денежных средств и особая партийная установка на активное привлечение к празднику творчества масс способствовали усилению внимания к развитию самодеятельности. Клубы и низовые организации сами должны были проводить подготовку к праздникам, развивая творчество трудящихся. Были 1920-е гг. в ходе проведения праздников одной из форм стали театрализованные постановки, реконструирующие события недавних лет. В ходе развития праздничной культуры постепенно формировался жанр политической сатиры. Руководствуясь методическими указаниями, низовые организации должны были придерживаться идей «новой драматургии», связанных с выражением сознания коллектива в самодеятельности. Театрализованные постановки праздников носили в основном агитационный характер. Это были инсценировки повседневной жизни рабочих и

крестьян, где противопоставлялась их жизнь до и после Октября, а антитезой выступали понятия «пролетарий» и «буржуй», «помещик» и «крестьянин». Отношение к праздникам и самостоятельным постановкам было неоднозначным, у публики они, по сравнению со сценами из красивой жизни или коммерческим кино, вызывали скуку. Уже к середине 1920-х гг. интерес к ним резко снизился. Деревенские жители отказывались смотреть агитпостановки¹³.

При всей внешней успешности проведения праздников сама праздничная культура и ее восприятие достаточно долго приживались в обществе. В своих воспоминаниях представитель Верховного главнокомандования при немецкой дипломатической миссии в Москве майор Карл фон Ботмер писал: «...Город украшается к Первомаю, который должен быть отпразднован по-особому... Во время прогулки нашим глазам предстала картина "красного" города, стены Кремля наполовину исчезли под красными полотнищами. Особенно на Красной площади, где похоронены павшие во время революционных боев и где состоялись главные праздничные действия. Глазу некуда деться от красок цвета крови»¹⁴. Неоднозначно писал о празднике художник М. В. Добужинский в статье «Бомба или хлопушка. Беседа двух художников», вышедшей в журнале «Новая жизнь» 4 мая 1918 г., где в форме диалога доказывал, что этим одним праздником нельзя сломать вековых устоев и дореволюционной эстетики, и культуры, и исторической памяти в виде памятников¹⁵. Оппоненты советской власти стремились говорить о недостатках праздников, подчеркивая их официозность и разрыв в интересах власти и граждан. Первомай «являлся казенным, принудительным праздником, организованным... по велению власти...»¹⁶.

В провинции первомайские праздники прошли более спокойно и не так торжественно, как в столицах, что свидетельствовало о низкой степени легитимности власти и ее устойчивости. Советский праздник собрал гораздо меньше сторонников и участников, чем православные пасхальные богослужения. Обыватели скорее не заметили или не восприняли 1 Мая, совпавшего с Пасхой, как праздник, упоминая его вскользь: «Канун Пасхи. Погода холодная, но ясная. Деревья еще не распустились. 1 мая был первый в России действительно свободный праздник единения трудящихся. Собрались далеко не все рабочие. Но все же праздник прошел торжественно»¹⁷. Для городских обывателей важнее оказывались традиционные христианские, нежели советские праздники. Так, например, Н. Н. Окунев в дневниках за 1921 г. писал: «1-е мая не праздновали»¹⁸. Схожие мысли встречаются и в записках саратовского провинциала В. Ситникова. Он обращает внимание на то, что в 1921 г. Первомай пришелся на Пасху. Об очередной годовщине Октябрьской революции он даже не упоминал в дневнике, только 10 ноября записал, подводя ито-

ги четырехлетнего существования новой власти, о голоде, о тяжелом материальном положении и т. д.¹⁹ В обоих дневниках на протяжении первой половины 1920-х гг. записи о пролетарских праздниках если и делаются, то после самой даты, дней через 5–7. Для авторов праздники не несли никакой смысловой и ценностной нагрузки. Они были необходимы, по их мнению, только самой власти, поэтому В. Ситников и Н. Окунев старались обойти стороной эту тему в дневниковых заметках. Только в 1929 г. В. Ситников вскользь в дневнике упоминает о праздновании 12-й годовщины Октябрьской революции: «Новый порядок водворен твердо. Других каких-либо основ не может быть. На улицах демонстрации с красными флагами. Погода хорошая, солнечная»²⁰.

Развивая в деревне праздничную культуру, советская власть навязывала крестьянам те же формы праздника, что были характерны и для городской среды – митинги, манифестации, шествия. По письмам крестьян достаточно трудно судить об их отношении к праздникам. Обращаясь к власти, крестьяне в большей степени писали о наиболее насущных для них проблемах – голоде, продразверстке, налогах, межевании земли и т. д. Советская праздничная культура не затрагивала их сознание. Газетные заметки о проведении государственных праздников в деревне, как правило, были очень короткими и формальными. Так, например, газета «Беднота» в 1918–1919 гг. статьи о проведении пролетарских праздников в деревне помещала на последней 4-й полосе, в разделе «Деревенские письма» в виде небольших заметок, тогда как сообщения о подготовке праздника в городе, его проведении помещались на первых полосах. Позитивные отклики о проведении праздника присутствуют, как правило, в письмах селькоров. В письмах крестьян, нейтрально относящихся к власти, слово «праздник» упоминается, как правило, в связи с какой-либо ситуацией. При этом не всегда представляется возможным точно определить, о каком именно празднике идет речь. «...Придет праздник думаем повеселиться вдруг нагрянут целые армии милиций все перетрясут все обыщут и думаешь же я вор убийца грабежник что так меня подозревать»²¹ (в письме сохранена стилистика и орфография его автора. – Н. Ш.). Или «Раньше праздновали царский день так лавки все торговали, а рабочие не голодали... А теперь гуляем и все продовольственные лавки закрыты»²².

Для сельского жителя по-прежнему важную роль играли религиозные праздники, в том числе и те, которые были связаны с земледельческими работами. Пролетарские праздники для них оставались достаточно абстрактными и далекими по содержанию. Поэтому в деревне, как правило, празднование проходило достаточно пассивно. По мнению М. К. Декановой, в этих праздниках не нашел отражения сельскохозяйственный цикл, не был укоренен с точки зрения повторяемости событий. Не последнюю роль в пассивности деревни

сыграла и слабо работающая связь, до крестьянских советов просто не доходила информация о проведении того или иного праздника²³.

Несмотря на это, в деревне, с целью придания праздникам советского смысла, в честь празднования очередной даты закладывали какое-нибудь общественное здание (дом культуры) или открывали очередную библиотеку, избу-читальню, школу, больницу и т. д. На селе празднование государственных праздников не было столь торжественным и помпезным, как в городе. Сами крестьяне воспринимали происходящее двойственно и далеко не всегда радужно и радостно, как это было в городе. Праздники проходили зачастую не по тому сценарию, что намечала власть. Он становился поводом не столько продемонстрировать силу власти, сколько выпить и подражаться. Так, например, в одном из сел Харьковской области на праздник Первомая чуть не избили председателя КНС, заявив, что не признают новые праздники²⁴. В другом сообщении говорилось: «На митинг явились, конечно, дети школьного возраста, все пионеры и комсомол, а из крестьян человек 60–70 мужчин и женщин 100–150 [чел.] – и не больше»²⁵. В другом письме из Белоруссии Горновского сельсовета Борисовского округа крестьянин В. А. Дунец писал, что женщины на собрания почти не ходят (было всего 9), из половины собравшихся (60–65 человек) – молодежь (30–35 человек), что лозунги «равенство, свобода слова» еще не достаточно ясны, особенно в сравнении с жизнью городского рабочего или служащего²⁶.

Особую озабоченность власти в деревне и в провинциальном городе вызывала «живучесть» старой праздничной культуры, религиозной обрядовости. В 1920-х гг. по-прежнему продолжали праздновать и отмечать – наряду с советскими и религиозные праздники – Рождество, Крещение, Пасху и т. д. Для того чтобы изменить настроение общества, обратить внимание на пролетарские праздники, стала развиваться антицерковная пропаганда. В. Маяковский в своих стихах писал:

Товарищи крестьяне,
вдумайтесь хоть раз –
зачем
крестьянину
справлять Пасху?²⁷

Другой цикл его стихов был посвящен церковным обрядам. Сами стихотворные зарисовки называлась: «Кому и на кой ляд целовальный обряд» или «Крестить – это только попам рубли скрести»²⁸. Комсомольцы в такие дни ставили спектакли из сцен советской жизни или с антирелигиозной пропагандой, но народу на них приходило немного, в основном дети и женщины. «Крестьяне от своей темноты говорят, что кто пойдет на собрание, тот будет записан Антихристом, потому что это будто и есть времена Антихриста»²⁹.

Среди причин столь низкого уровня интереса к советским праздникам можно выделить,

во-первых, отсутствие культурно-исторической традиции Первомая, который праздновался исключительно в рабочей среде и только среди радикально настроенных рабочих. Во-вторых, стилистика праздников, их революционная патетика зачастую были непонятны и не соответствовали настроениям большей части общества. В-третьих, в основу праздников был положен опыт революционной борьбы, который имелся у ограниченной части населения страны. В-четвертых, нельзя не учитывать состояния и последствий Гражданской войны, голода и разрухи, царивших в Центральной России и не способствующих распространению революционных иллюзий среди населения.

Для полного утверждения праздника в сознании всего населения страны советской власти необходимо было выработать универсальные сценарии праздников, которые смогли бы превзойти по силе воздействия культурно-религиозные традиции и национальные различия. Переход к такого рода праздникам окончательно произошел только к концу 1920-х гг. Но даже в зарождающейся праздничной культуре советская власть четко и определенно продемонстрировала собственные репрезентативные задачи. Особенно ярко это удалось в первый год существования пролетарского государства. Но даже в условиях Гражданской войны и экономического кризиса власть стремилась к поддержанию в сознании людей идеи прочности и силы государства диктатуры пролетариата.

Примечания

- ¹ Плаггенборг Ш. Культура и революция. Культурные ориентиры периода Гражданской войны. СПб., 2000. С. 287.
- ² См.: Богданов А. Критика пролетарского искусства // Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 439.
- ³ Луначарский А. В. О народных празднествах // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981 : в 2 т. Т. 1. С. 84.
- ⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 13.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Луначарский А. В. Первое мая 1918 года (Эскизы из записной книжки) // Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. С. 4.
- ⁷ «Празднование 1 Мая 1918 г.», «Наш первый Май», «Первый первомайский праздник после победы».
- ⁸ Пламя. 1918. № 2 ; Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. С. 81.
- ⁹ См.: Красная газета. 1927. 11 ноября.
- ¹⁰ См.: 1 Мая 1919 г. : Лит.-худ. сб. Казань, 1919 ; 1-е Мая: статьи, тезисы, стихи. Харьков, 1921 ; 1 Мая : сборник. Екатеринбург, 1923 ; 1-е Мая : Лит. сб. Архангельск, 1923.
- ¹¹ См.: Великая Годовщина пролетарской революции. Пг., 1918; Великая пролетарская революция : Октябрь 1917. Тифлис, 1920 ; Вехи Октября : литературно-

- художественный альманах. М., 1923 ; Октябрь 1917–1921 : сб. лит. студии Пролеткульта. Саратов, 1921.
- ¹² См.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. С. 84–85.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–628. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
- ¹⁴ *Ботмер К.* С графом Мирбахом в Москве : Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 2004. С. 16.
- ¹⁵ См.: *Добужинский М. В.* Бомба или хлопущка. Беседа двух художников // *Художественная жизнь Советской России.* 1917–1932 гг. События, факты, комментарии : сб. материалов и документов. М., 2010. С. 44.
- ¹⁶ *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1920–1924 : URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3244> (дата обращения : 21.04.2012).
- ¹⁷ *Ситников В. Н.* Пережитое. Дневник Саратовского обывателя. 1918–1931 гг. Саратов, 1999. С. 15.
- ¹⁸ *Окунев Н. П.* Указ. соч.
- ¹⁹ См.: *Ситников В. Н.* Указ. соч. С. 28, 32.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 5. Л. 81.
- ²² Там же. Л. 131.
- ²³ См. подробнее: *Деканова М. К.* Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920-е гг. // *Вестник СамГУ.* 2008. № 1(60). С. 20–27.
- ²⁴ *Голос народа : письма и отклики рядовых советских граждан по событиям 1918–1932 гг.* : URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5872 (дата обращения : 15.02.2011).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 5. Л. 58, 62.
- ²⁷ *Маяковский В.* Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога – крестьянству не подмога // *Маяковский В.* Собр. соч. : в 12 т. Т. 8. М., 1978. С. 102.
- ²⁸ Там же. С. 114, 120.
- ²⁹ *Голос народа...*

УДК 378

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК РЕСУРС ВОСПИТАНИЯ В НЕПРОФИЛЬНОМ ВУЗЕ

А. Д. Барышева

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: kseny1974@mail.ru

В контексте возрастающей потребности в укреплении воспитательного потенциала образовательных систем в данной статье раскрываются воспитательные возможности историко-культурологической подготовки как составной части гуманитарного компонента непрофильного высшего образования.

Ключевые слова: обучающее воспитание, гуманитарные знания, историко-культурологическое образование, моральный потенциал.

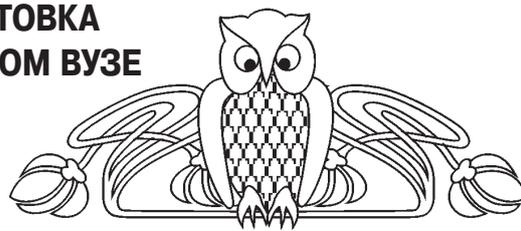
Historic-cultural Training as a Resource in no Profile High School

A. D. Barysheva

The article deals with educational possibilities of historic-cultural training as a part of humanitarian aspect of no profile high education.
Key words: training education, humanitarian knowledge, historic-cultural education, citizenship, moral potential.

В вузовском образовательном пространстве человек развивается не только в рамках профессиональной ориентации. Не менее ценным является опыт, получаемый в процессе воспитания – неотъемлемой частью педагогической деятельности.

Трансляция знаний без воспитательного предназначения оказывается узкопрагматическим действием, не способствующим усвоению экзистенциального контекста жизни. В такой ситуации человек становится, по образному опре-

делению Г. Маркузе, «одномерным», не готовым к мобильной и результативной самореализации в социальном мире, в котором ему суждено находиться¹.

В современной парадигме образования большое значение придается укреплению «обучающего воспитания», призванного усилить воспитательную функцию педагогической деятельности.

Воспитательный потенциал в непрофильной высшей школе существенно укрепляет изучение социогуманитарных дисциплин. Разносторонние гуманитарные знания играют решающую роль в реализации духовно формирующей функции образования, развитии нравственно-мировоззренческого потенциала человека, его смысловых ориентаций. Гуманитарная образованность способствует не только расширению духовного, эмоционального мира человека, но и облегчает освоение любой профессии. В широком плане она способствует сохранению и воспроизводству человека в его социокультурной видовой определенности.

Однако и ныне не утихают дискуссии относительно необходимости присутствия гуманитарной подготовки в непрофильных вузах. По-прежнему отстаиваются идеи, нацеливающие на сокращение гуманитарных предметов, которые в непрофильном образовании перегружают учебный процесс, отвлекают от овладения знаниями, более существен-